

УДК 398.21(520)
ББК 82.3(5Япо)-6
Я70

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

В оформлении книги использованы фоторепродукции произведений искусства, находящиеся в общественном достоянии

Японские народные сказки [пер. с яп. В. Марковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Мировое древо. Легенды и мифы).

ISBN 978-5-17-166460-2

Познакомьтесь с удивительным миром японских народных сказок, где древние легенды переплетаются с житейской мудростью. В этой книге собраны истории, которые веками передавались из уст в уста. Каждая сказка — путешествие по старинной Японии, населенной удивительными существами.

Окунитесь в неповторимую атмосферу японского фольклора, где каждое слово, будто кистью мастера, рисует чудесные картины прошлого.

УДК 398.21(520)
ББК 82.3(5Япо)-6

ISBN 978-5-17-166460-2

© Перевод. В. Маркова, наследники, 2024.
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

(перевод Веры Марковой)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тихо падает снег. Большие белые хлопья неслышно опускаются на землю. Вот уже не виден горбатый мостик через горную речку, под тяжестью снега склонились ветви старой сосны. Кажется, мир замер. Он объят тишиной и холодом... Но нет. В жаровне весело мигают угольки, и можно еще ближе придвинуться к очагу, ощутить тепло жаркого новогоднего огня и, затаив дыхание, слушать и слушать сказки... Голос сказителя все дальше, он призывно зовет за собой. И вот вы уже там, где на горной тропинке караулит путника проказник-барсук, где в пучине вод ждет прекрасного юношу дочь Морского царя, там, где глупец Сабуро наказан за свою неповоротливость, а две несмышленные лягушки из Осака и Киото вновь и вновь отправляются в дальний путь...

Смешные и грустные, лукавые и назидательные, японские сказки — душа и совесть народа, источник его вдохновения и мерило его культурных достижений.

Издавна в Японии сказки передавались из уст в уста как бесценное наследие предков, как важнейшая сакральная реликвия. Ведь недаром сказки рассказывались в Японии и в кругу семьи, и при большом стечении народа в дни праздников, и при исполнении наиболее значимых ритуалов, связанных с магией плодородия.

Время вносило свои коррективы в старинные традиции. И японский фольклор переживал непрерывный процесс обновления и трансформации. В быт японской сказки прочно входили реалии нового времени, а исконные понятия нередко отходили на второй план. Можно сказать, что сказки, известные по современным записям, запечатлели быт и нравы Японии периода позднего феодализма, но сохранили при этом черты и более ранних эпох. В новейшее время естественно и прочно вторглись в обиход японской сказки приметы современности. И уже никого не удивляет то, что лишица морочит машиниста, обернувшись встречным поездом, а лукавый барсук болтает по телефону.

Географическое положение Японии как островного государства, ее история как страны, почти закрытой для внешнего мира на протяжении XVII–XIX вв., способствовали созданию на Япон-

ских островах уникального культурного заповедника. Однако сегодня можно с сожалением говорить о том, что обрядовой культуре, песенному и повествовательному фольклору, истари питавшим традиционную жизнь японцев, грозит опасность забвения. Засилье массовой культуры, урбанизация общества, быстрая смена школ и направлений в искусстве поставили не только Японию, но и многие другие страны мира перед необходимостью защиты и сохранения бесценного культурного достояния — народного искусства.

Фольклорное наследие японцев огромно. Особенно многочисленны разнообразные по форме и содержанию произведения повествовательного фольклора. Характерной чертой японских сказок и легенд является их различие и по исторически сложившейся форме бытования, и по степени современного восприятия; они как бы подразделяются на три большие группы. Наиболее живучи и устойчивы так называемые «великие сказки». Они известны всем. Без этих сказок невозможно детство ни одного ребенка, на их морали воспитано не одно поколение японцев. Для этих сказок в японской фольклористике существует даже своеобразный термин — дарэ дэ мо ситтэ иру ханаси («сказки, которые знают все»). А такие из них, как «Момота-ро», «Воробей Резаный Язычок», «Гора Катикати», «Дед Ханасака» (в данном сборнике под названием «Пепел, лети, лети!») и «Ури-химэ и Аманодзюку» по праву вошли в мировую сокровищницу сказок.

Замечательной особенностью бытования японских сказок можно считать то, что на протяжении веков в каждой области, городе, местечке или деревне формировалось свое собственное представление о сказке, о ее сюжете и персонажах. Сказки каждой префектуры Японии — это своеобразный фольклорный мир со своими законами и канонами. И потому сказки Осака, брызжущие задором и лукавством, никогда не спутать с утонченно-романтическими сказками Киото, а простодушные сказки южных островов Рюкю — с суровыми и строгими сказками северного острова Хоккайдо.

И наконец, среди японских сказок выделяется значительная группа локальных сказок, которые условно можно было бы назвать храмовыми, так как зачастую они известны лишь в небольшой деревне или храме. Их особенность заключается в том, что, несмотря на сохранение внешней сказочной формы (т. е. признание того, что действие происходит в некоем неизвестном месте с достаточно абстрактными героями), эти сказки глубоко привязаны к породившей их местности. Повествование о барсуке-оборотне обязательно ассоциируется у слушателя с тем барсуком, который, как считают, обитает в храмовой роще, а старик со старухой — те самые, которые когда-то жили у подножия близлежащей горы.

По такому же принципу подразделяются и остальные жанры японского повествовательного фольклора: легенды, предания, былинки и т.д.

Японские сказки разнообразны не только по форме бытования и восприятия, но и по жанрам. Современное жанровое деление сказок, принятое в японской фольклористике, носит черты древних дифференциаций повествовательных произведений. В его основе лежит содержательное осмысление текста. Сказки о глупцах, недотепах, хитрецах и обманщиках объединяются, как правило, в жанр варай-банаси («смешные сказки»). К жанру о-бакэ-банаси («рассказы об оборотнях») относятся все страшные сказки: о привидениях, таинственных исчезновениях, о ночных

происшествиях на горной дороге или в заброшенном храме. Жанр фусаги-банаси («о том, что необычно») включает повествования о различных чудесах — добрых и не очень, но всегда поражающих своей оригинальностью и эмоциональной глубиной. Ряд сказок объединен и в жанр тиэ-но ару ханаси («о том, что умно»). Это своего рода дидактические сказки-притчи, нередко с прозрачно выраженной моралью. По своему содержанию они очень близки сказкам, относящимся к жанру добуцу-но ханаси («рассказы о животных»). В дидактических японских сказках наиболее часто многочисленные перипетии происходят именно с животными. Таким образом, в японском фольклоре и сказки о животных, и дидактические сказки наиболее ярко выражают общечеловеческую мораль: не будь жадным, не будь завистливым, не будь злым.

Можно выделить популярные тонари-но дзисан-но ханаси («рассказы о соседях»). Разнообразные по сюжету и социальной направленности, сказки о соседях представляют собой комплекс бытовых повествований, порой перерастающих в народные новеллы.

Популярны в Японии и всевозможные сказки-шутки, известные под названием кэйсики-банаси (досл. «сказки только по виду»), например так называемые нагай ханаси («длинные рассказы»), в которых монотонно могут пересчитываться падающие с дерева каштаны или прыгающие в воду лягушки до тех пор, пока слушатель не закричит: «Довольно!» К сказкам-шуткам относятся и мидзикай ханаси («короткие рассказы»), по сути — докучные сказки, которыми подчас охлаждали пыл надоедливых слушателей, бесконечно требующих новых и новых историй. В префектуре Нагасаки, к примеру, бытовала такая форма самозащиты сказителя: «В старину это было. А-ан. На озере плавало множество уток. Тут пришел охотник. А-ан. Прицелился он из ружья. А-ан. Рассказывать дальше или не рассказывать?» — «Расскажи!» — «Пон! Выстрелил, все утки улетели. Сказке конец».

В японской фольклористической традиции все перечисленные разновидности сказок объединяются единым термином — «мукаси-банаси», что дословно означает «рассказы старины».

Судя по всему, определение сказок как мукаси-банаси — явление истинно народное и достаточно древнее в отличие от других терминов, обозначающих жанры японского фольклора, так как он сохранил исконно японское фонетическое звучание (в отличие, к примеру, от термина «легенда» — «дэнсэцу», происхождение которого связано с китайским термином «чуаньшо», имеющим аналогичное значение).

Широко распространен также термин «минва» («народные повествования»). Это необыкновенно емкое и глубокое понятие. Под минва сегодня понимаются абсолютно все жанры японского повествовательного фольклора. Универсальность термина подчеркивается и тем, что, например, при составлении фольклорных сборников исследователи включают в него самые разные жанры повествовательного фольклора, вынося на титул лишь слово «минва». Нередко минва означает и сказки, и былички, и даже легенды как самостоятельные жанры. Учитывая многофункциональность термина, правомерно, однако, понимать слово «минва» как обобщение, включающее такие понятия, как сказки, легенды, предания и т.д.

Широкое распространение в японской традиции получил термин «дэнсэцу» — легенда, а также понятие «мукаси моногатари», понимаемое как «сказания старины». К дэнсэцу относят чаще

всего исторические и топонимические легенды, преимущественно общепонской или префектуральной степени бытования. Термин мукаси моногатари можно переводить и как предание. Однако надо помнить, что на практике он нередко используется для обозначения совокупности легенд и преданий.

В японской фольклористике нет специального термина для такого жанра, как былички. Однако они в большом количестве представлены в японской народной повествовательной традиции. В этом читатель сможет убедиться при знакомстве с предлагаемым сборником. Известно, что чаще всего быличками называют народные произведения об оборотнях и привидениях, домовых, леших и всякого рода неведомых превращениях. Рассказы об оборотнях — это основа японского повествовательного фольклора. Однако в японской традиции не было принято отделять их от мукаси-банаси или минва вообще. И потому былички всегда воспринимались как сказки.

В предлагаемом издании читатель сможет познакомиться со всеми жанрами японского повествовательного фольклора. При этом наибольшее внимание уделялось составителем сказкам мукаси-банаси и легендам дэнсэцу не только потому, что это самые широко распространенные жанры, но и потому, что именно сказки и легенды представляют собой пример единства вымысла и реальности, духовного и эстетического начала, энциклопедию народного мировоззрения и устоявшийся веками нравственный канон.

Несмотря на генетическую близость сказок и легенд, оба жанра в Японии исконно развивались самостоятельно, и потому различия между японской сказкой и легендой ощущались с первых же слов повествования. Так, сказка имела традиционный зачин, без которого не обходилось ни одно повествование: «В старину» («мукаси») или «Давным-давно» («мукаси-о-мукаси»). Далее обязательно повествовалось о месте происходящего. Однако и форма указания места в японской сказке была строго канонизирована. В большинстве случаев это было неопределенное «в одном месте» («ару токоро ни...») или чуть более обстоятельное «в некоей деревне...» («ару мура ни...»). После традиционного зачина нередко следовало короткое пояснение, содержащее необходимые сведения о месте происходящего: говорилось о том, что эта «некая деревня» находится у подножия горы или на берегу моря. Такая на первый взгляд незначительная поясняющая деталь оказывалась очень важной, так как именно она сразу настраивала слушателя на определенный сказочный лад: если действие происходит на берегу моря, то приключения героев будут обязательно связаны с морскими духами, подводными царствами, добрыми или коварными обитателями морской стихии; если же деревня где-то в горах, то речь наверняка пойдет о происшествиях на рисовом поле, на горной тропинке или в бамбуковой роще. Таким образом, поясняющая деталь с давних пор четко ориентировала слушателя на восприятие «горно-равнинной», а значит, «земледельческой» или «морской», т. е. «рыболовной», сказки. Такой подход к сказочным повествованиям был обусловлен исторически сложившимися в Японии типами хозяйствования, основу которых составляли земледелие (суходольное и заливное) и рыболовство.

Японские легенды в отличие от сказок никогда не имели канонизированного зачина... Им, за небольшим исключением, вообще не было свойственно вступление в сюжет. Японская легенда

начиналась непосредственно с повествования, в первые строки которого были мастерски вплетены сведения о месте происходящего. Сведения эти были детальны и реалистичны, что полностью исключало мысль о неправдоподобности повествования.

Большое место в японском фольклоре отводилось историческим легендам. В них жила память народа, они повествовали о подлинных событиях, преображая их по законам поэтической фольклорной правды. Призраки убитых в страшных междоусобицах XII в. призывали сказителя петь о беспощадной битве, и тогда в легенде звучал отголосок древних эпических сказаний («Певец с оторванными ушами»).

Разнообразными по форме и содержанию были топонимические легенды. Именно в них в наибольшей степени проявилась способность японских народных повествований локализоваться, строго закрепляться за определенным топонимическим или — шире — ономастическим понятием. Преобладание топонимических легенд над всеми другими разновидностями этого жанра является, пожалуй, одной из наиболее существенных особенностей японского повествовательного фольклора. Легендами о происхождении храмов, деревень, парков и мостов и их названий изобилует устное творчество каждой префектуры Японии. Это и легенды с отголоском исторических событий, и фантастические происшествия, и повествования, полные драматизма и лиричности («Шепчущий мост»).

Однако надо учитывать и то, что границы между разновидностями легенд подвижны, и потому в фольклоре всегда существует большое количество переходных форм. Разновидности легенд синтезируются и нередко образуют сложные фольклорные комплексы. Так, например, во многих районах Японии бытует легенда о том, как призрак матери кормил своего посмертно рожденного ребенка сладостями на деньги, положенные по обычаю, в могилу («Чудо материнской любви»). Причем в каждой префектуре легенда была привязана к определенному месту, назывались город и кладбище в каждом случае другие. Легенда рассказывалась как уникальный случай, происшедший в строго определенном месте. Так, по сути, локальная легенда (в некоторых вариантах близкая к топонимической) оказалась наделенной фантастическим мотивом. И наличие этого мотива заставляло слушателя по-другому оценивать достоверность повествования. В японских легендах с фантастическим мотивом достоверность изначально оказывалась мнимой. Однако законы фольклорной этики требовали признания слушателем достоверности происходящего, и он был увлечен игрой вымысла. В основе восприятия повествования лежало стремление слушателя внимать и верить, подчиняясь негласному закону фольклорной игры. Сказитель из префектуры Кагосима говорил, начиная повествование: «Я расскажу вам о делах старины. Было это или не было — не знаю, но слушать надо так, будто это и вправду было».

Японская сказка и легенда различались и по своей концовке. У сказки, как правило, был счастливый конец: добро побеждает зло, добродетель вознаграждена, жадность и глупость беспощадно наказаны. Легенда тоже вершила справедливый суд, она была проникнута сочувствием к своему герою, но гибель его нередко лежала уже в самой основе сюжета.

Легендарные и сказочные мотивы в японском фольклоре были тесно переплетены между собой. Так, например, в японском повествовательном фольклоре нашел отражение известный как

в Японии, так и в других странах древний обычай человеческого жертвоприношения. В своем исконном виде он лежит в основе легенды «Если бы не крикнул фазан». А вот в сказке «Лягушачья шапка» этот древний обычай переосмыслен.

Отец ненароком посулил свою дочь змею — Хозяину озера, чтобы тот оросил поле во время засухи, и вынужден отправить ее к страшному жениху — древний обычай, столь явный в легенде, в сказке узнать нелегко.

Генезис японских сказок и легенд был сложен. Некоторые устные предания кочевали по всем странам дальневосточного историко-культурного региона. Потому в японской традиции так часто можно встретить мотивы и сюжеты китайских и корейских повествований. В разное время и в разных формах проникали на Японские острова сказки и легенды Индокитая, Индии, южных островов Малайского архипелага. Прослеживаются в японском фольклоре и черты древней античной мифологии. Однако важно то, что, попадая на японскую почву, эти мотивы и сюжеты быстро приобретали чисто японскую специфику, обрастали исконно японскими реалиями и становились шедеврами поистине японского искусства. И такие прочные усвоения элементов иностранных культур и традиций были свойственны Японии на протяжении всей ее истории.

Обогащение японского фольклорного материала происходило и за счет взаимного влияния японской традиции и устного творчества других народов Японии. Речь идет о сказаниях народа айну, ныне живущего на северном острове Хоккайдо, и о фольклоре рюкюсцев — исконных жителей южной части страны — архипелага Рюкю.

Так, известный исследователь и собиратель айнского и рюкюского фольклора Н. А. Невский писал о цикле айнских сказок, известных под названием «Рассказы о Пенамбе („Некто с верховьев реки“) и Панамбе („Некто с нижнего течения“»). «Это сказки типа русских „о правде и кривде“, — писал Н. А. Невский. — В них добрый и честный Панамбе всегда вознаграждается за свои хорошие качества, а злой и завистливый Пенамбе, старающийся делать то же, что и его сосед, только в корыстных целях, получает возмездие за свое зло»¹.

Совершенно очевидно, что в основе этой айнской сказки лежит главная заповедь, присущая сказочному фольклору многих народов мира: добрый и честный по законам сказочного бытия всегда оказывается счастливее злого и жестокого. Среди японских сказок можно найти такие (например, «Пепел, лети, лети!»), в которых эту айнскую сказку будут напоминать и мысль: делай добро, и тебе отплатят добром, — и сама структура сказки, и последовательность происшествий, и сказочные атрибуты и даже имена главных героев. Вместе с тем, хотя японская сказка оказывается теснейшим образом связана с древним айнским сказанием, колорит в ней чисто японский. Именно так воспринимается чудо сказки — буйное цветение деревьев в зимнюю пору!

Однако, каково бы ни было происхождение отдельных сюжетов и мотивов, сказки каждого народа — это единственный и неповторимый мир, в котором уживается рядом и то, что свойственно сказкам всех народов, и то национально-специфическое, что отличает их от всех других.

¹ Невский Н. А. *Айнский фольклор*. М., 1972, с. 18.

Японский фольклор не исключение. Как и всему народному искусству Японии, сказке присущи причудливая игра воображения и острота эмоций, теплота сердечного чувства и тонкая нюансировка душевных состояний.

Японская сказка глубоко поэтична. Не только потому, что стихи нередко умело вплетаются в ткань повествования, но и потому, что и поэзия и сказка всегда почитались в Японии как орудие добра и справедливости, способное укрощать сердца людей и ярость стихий. Ведь недаром, как гласит легенда, поэт Соги (XV в.) усмирил свирепого разбойника силой своего искусства («Разбойник — любитель поэзии»).

Те герои сказок, которые наделены великим даром стихотворца, всегда вызывают уважение, любовь и сострадание. Тот, кто творит, не может быть источником зла — таков поэтический закон японской сказки. И потому невеста, умеющая к месту сложить красивое стихотворение, берет верх над своими завистливыми соперницами. Барсук украдкой таскает из чужого дома свитки со стихами и самозабвенно декламирует их на поляне, освещенной лунным блеском («Барсук — любитель стихов»). А разбойник по кличке Красный Осьминог всходит на эшафот, отдавая людям свой последний дар — простой и величавый — поэзию («Предсмертное стихотворение Красного Осьминога»).

Японская сказка реализует метафору: искусство живет. Статуя богини становится женой бедняка. Черный ворон, гордо взмахнув крыльями, навсегда покидает кусок холста. И в этом тоже заключена глубина поэтичности сказочного фольклора.

Всеобъемлющая лиричность японских сказок достигается еще и благодаря тому подчас неуловимому музыкальному ритму, который так свойствен японскому фольклору. Часто вплетаются в повествования широко распространенные в японском языке оноματοпоэтические наречия, имитирующие раскаты грома и шуршание осенней листвы, шум весеннего дождя и потрескивание стебельков бамбука в новогоднем огне, а также многочисленные звукоподражания — отрывистый собачий лай, ворчание старого краба или уютное мурлыканье кошки. Каждая сказка имеет свой мелодический рисунок. В ней как бы звучит то трудовая песня, то плясовой наигрыш, то тихая, грустная мелодия.

«Что же из всего живого на земле не поет своей собственной песни?!» — восклицал великий поэт Японии Кино Цураюки (IX в.). В японской сказке поет все. Поют даже барсуки, опьяненные лунным светом и «осознанием» красоты жизни («Барсуки-музыканты»). В японской сказке поет природа — вечный источник мудрости и вдохновения.

Чувство единства с природой, свойственное японцам и нашедшее свое отражение в разных формах и направлениях японского искусства, стало основой и всего повествовательного фольклора. Звери и птицы, цветы и деревья — все в японской сказке наделено душой, все живет. И, наоборот, поэтому в ранг сказочного канона возводит фольклор буддийское учение о нравственном запрете убивать. В повествованиях звучит жалость к зверю и птице и сознание того, что они имеют равное право с человеком на жизнь и счастье («Жалобы уточки»). Японская сказка проверяет человека на доброту, в качестве основного критерия ставя его чуткое отношение к природе.

Замечательной чертой японских сказок можно считать также и то, что значительная их часть непосредственно связана с различными праздниками и обрядами, приуроченными к определенным временам года. И сегодня праздников в Японии великое множество. Большая их часть восходит к древним магическим ритуалам, связанным с хозяйственной деятельностью японского крестьянства.

В сказочные сюжеты вплетались и целые описания праздника, и упоминание его реалий. Календарные атрибуты выполняли в сказках ту же функцию, что и в обряде, — были носителями символики счастья и благополучия, предвестниками света и добра. Ведь недаром в одной из сказок («Портрет красавицы») именно новогоднее украшение — «кадомацу» — спасает крестьянина и его жену от козней жестокого князя.

Если собрать воедино все японские сказки, то взору откроется чудесная картина праздников года — каждый из них по-своему нашел отражение в японском повествовательном фольклоре. Пусть иногда лишь намеком, деталью, но всегда ярко и колоритно. Будет здесь и описание новогодней игры в мяч, и любование распустившимися цветами сакуры; в синем небе поплывут пестрые матерчатые карпы; под звуки долго звенящей над рисовым полем песни заколышутся зеленые ростки; снова в седьмой день седьмого месяца соединятся две звезды — Ткачиха и Пастух, вечно влюбленные и вечно тоскующие на разных берегах Небесной реки (Млечного Пути); и опять взойдет над землей большая осенняя луна и горы вспыхнут алым заревом кленовой листвы...

На протяжении истории в японской культуре сформировалось целое направление — календарная поэзия. Блестящие образцы ее находим мы и в народной традиции, и в литературной. Веками воспевалась в Японии красота родной природы, ее новизна в любое время года. Сказки по праву стали одним из важных элементов этой календарной культуры. Некоторые из них можно назвать даже календарной песней в прозе — настолько ярко и самобытно отразился в них дух японского календарного обряда.

Японская сказка любит остроумную игру слов, загадки как пробу ума, смешную игру созвучий, к месту приведенную поговорку. Сказка изобретательна по части шарад: решил попросить крестьянин Дзинсиро у волшебной колотушки кладовые, полные риса (комэ-кура), да запнулся, вот и посыпались из мешка слепые карлики (ко-мэкура) («Волшебная колотушка»).

Сказка в Японии — это своего рода синкретика разных жанров фольклора, вместилище души всего устного творчества японцев.

В древние времена сказка вычленилась из сложного мифологического наследия, и потому до сих пор она так тесно связана с мифом. Грандиозные мифологические образы, хтонические божества и древние мистерии трансформировались, подчиняясь законам сказочной поэтики.

В древних мифах повествуется о войне богов. Борьбой титанов предстает в мифе извечное сражение горных духов. Стоят на двух соседних горах храмы. Каждый год в один и тот же день из храма, построенного на вулкане Никкосан, мечут стрелы в сторону горы Акагияма. В тот же день в храме Акагияма совершают магический ритуал и обезвреживают вражеские стрелы.

Мифическая борьба богов в сказке переосмысливается, и тогда в противоборство вступают статуи одного и того же божества. В сказке «Деревянный будда и золотой будда» статуя из дерева, принадлежавшая бедному слуге, победила золотого истукана, который был собственностью скаредного господина. Конечная трансформация мифа наполнялась социальным пафосом — война богов стала враждой между бедным и богатым.

Как и миф, сказка всегда пыталась объяснить мир. Откуда впервые появился снег? Почему у медузы нет костей? Почему сова не летает днем? — извечные вопросы японской сказки. Сказок с этимологическим мотивом в Японии довольно много. Часть из них, безусловно, носит орнаментальный характер — ведь недаром объяснения так часто бывают неожиданными и забавными. Однако и за этой орнаментальностью угадывалось стремление людей познать мир, вникнуть в законы земного бытия и найти свое место в круговороте жизни.

Герои японских сказок ищут ответы на вечные вопросы, пытаются открыть мир вокруг себя. Странники переходят одну за другой множество гор, удивляясь их количеству. Дождевые черви в рюкюской сказке горько плачут, решив, что во всей вселенной они одни на своем маленьком островке. А в широко известном анекдоте маленький мальчик, взобравшись на вершину соседней горы, с изумлением восклицает: «Еще горы?! Как велика Япония!»

Сказочным законам подчинилась и вся система изображения пантеона японских богов. Центральные божества японских мифов, как правило, в сказках не появляются. В основе сказок лежит синтоизм в своей народной форме — признание существования множества богов «ками», имеющих локальное значение. В сказках упоминаются божества деревьев и гор, островов и рисовых полей (хотя поименно названы немногие) — именно они по законам религии синто наиболее значимы для жителей данной деревни или местечка. В японских сказках наблюдается определенная «опрошенность» синтоистского пантеона: вместо богини Солнца — Аматэрасу, главного божества японской мифологии, в сказке появляется некое божество солнца (о-тэнто-сама), простое и доступное настолько, что, не стесняясь своего статуса, может ссориться с жаворонком.

На протяжении многих веков для Японии был характерен синкретизм верований. В VI в. при поддержке верховной власти в стране начал распространяться буддизм, заимствованный из древнекорейского государства Пэкче (яп. Кудара), вскоре разветвившийся на разные секты. Пришли из Китая конфуцианство и даосизм. Как и в китайской традиции, даосизм проник в японский фольклор в виде сказаний о даосах — отшельниках, владеющих эликсиром бессмертия и обладающих даром летать по небу. Как гласит китайская легенда, заимствованная японцами, дровосек, заглядевшийся на игру бессмертных даосов в шахматы, выпал из времени и очнулся лишь тогда, когда истлела рукоять его топора.

Общеизвестно, что влияние буддизма на японскую культуру было огромно. Благодаря буддизму сформировался и новый пантеон богов в японской сказке. Правда, надо отметить, что многие из них в скором времени приобрели черты и функции японских синтоистских божеств. Буддийские божества в сказках существовали в двух ипостасях. Это были широко известные божества, которым поклонялись повсеместно, и вместе с тем некоторые из них продолжали бытовать

на локальном уровне, постепенно становясь в восприятии японцев чисто местными божествами. Так было, например, с богом Дзидзо (санскр. Кситигарбха). Известный в Китае как бодхи-саттва, избавляющий от страданий и опасностей, в Японии Дзидзо приобрел особую популярность как покровитель детей и путников.

По поверьям, Дзидзо творит много добрых дел: спасает от пожара (Хикэси Дзидзо), помогает в полевых работах (Тауэ Дзидзо), гарантирует долголетие (Эммэй Дзидзо). Герои сказки придумывают для своего «местного» Дзидзо различные прозвища, отражая в них народные черты своего покровителя, — так родилось прозвище «Дзидзо с грязными ногами», вызывающее в памяти образы крестьян, работающих на залитом водой рисовом поле.

Сказочная трансформация произошла и с некогда грозными хтоническими божествами — постепенно они просто превратились в «нечисть». Здесь народная фантазия была изобретательна: в японской сказке стали появляться оборотни и ведьмы, черти и демоны. Были среди них и страшные и смешные, но всегда глуповатые и потому неизменно попадающие впросак.

«Нечисть» японских сказок была строго дифференцирована по среде обитания и властвования: часть ее относилась к горной, лесной «нечисти», а другая — к водной стихии.

Самый распространенный демон лесов и гор — тэту. По поверьям, он обитает в глухих чащах и живет на самых высоких деревьях. С давних пор относят тэту ко всякого рода «ёкай» — привидениям и призракам. И вид у него для этого подходящий: не человек он, не птица, да и не зверь — лицо красное, нос длинный, на спине крылья. Как гласит легенда, тэту может, если захочет, наслать на человека безумие, сила его страшна, и, если нет у путника смекалки и ума, обязательно обморочит его горный тэту. Но, пожалуй, самым замечательным богатством демона является волшебный веер. Красочный, новый или выцветший от времени, волшебный веер тэту в японских сказках поистине творит чудеса. Ведь он обладает особой силой: шлепнешь по носу правой стороной веера — станет нос расти, пока не достигнет облаков; шлепнешь левой — вновь нос маленьким сделается.

Интересно то, что с течением времени волшебный веер тэту стал в японском фольклоре своеобразным критерием нравственности сказочных героев: добрые с помощью веера обязательно становятся счастливыми, злые будут им наказаны. Бедный крестьянин случайно, от страха выигравший это сокровище лесного тэту в кости, женится на княжеской дочери. А бездельника барсука веер проучил: утащили его за длинный выросший нос небесные божества в заоблачную высь. И что с тем барсуком стало — неизвестно.

Живет в сказочной горной чаще и лесная колдунья — ямамба (ямауба). Сохранила народная молва о ней двоякое представление. В более древних произведениях ямамба еще не имела уродливого облика, а была щедрой и доброй лесной владычицей. На острове Хатидзёсима рассказывали, что являлась ямамба в виде юной девы, красивой и нарядной. Веселила она людей, пела, шутила, а потом нагружала корзины грибами и ягодами. В дождливую погоду приходила ямамба в деревню. Тихо, неслышно проникала в дом, садилась у изголовья спящего и ласково дула ему в лицо: фу-у, фу-у! Проснется тот, протянет к ней руки, а она захохочет да скроется в темноте, будто и не приходила вовсе.

Хорошо жилось людям с ямабой. Да вот стали они чаще просить у нее лесные дары, все настойчивее, все требовательнее. Рассердилась ямба и перестала людям помогать. И узнали тогда люди другую ямбу — страшную и жестокую, хитрую и коварную.

Особое место занимали в японском фольклоре оборотни. Способностью перевоплощаться обладали в сказках птицы, звери и разные предметы — кошельки и чайники, ношенная обувь и метлы. Но самыми непревзойденными мастерами превращений издревле считались лисы (кицунэ) и барсуки (тануки). Важно отметить, что образ лисицы-оборотня был широко распространен в фольклоре всех стран Восточной Азии. Барсук же в сказках и легендах других дальневосточных стран практически не встречался и может рассматриваться как японское специфическое фольклорное явление.

Проделки лисы и барсука были зачастую лукавы и безобидны, но подчас за внешне милым зверьком скрывался настоящий коварный демон. Лисица чаще всего принимала облик юной девушки и являлась на горной тропинке перед запоздалым путником. Горе тому, кто не распознает сразу проделок хитрой лисы.

Барсук превращался во всякую домашнюю утварь, например, в котелок для кипячения воды. Такой барсук был своего рода домовым, иногда капризным, и тогда от него в доме житья не было, а иногда хозяйственным и бережливым. Случалось, что превращались барсуки в букеты хризантем и в маленьких девочек, а один, говорят, обернулся даже настоятелем синтоистского храма.

Немало в японском повествовательном фольклоре сказок и о том, как лисы и барсуки помогали людям, о том, что, женившись на лисице, можно обрести счастье, а подружившись с барсуком — стать богатым.

К «нечисти» водных стихий относился прежде всего Хозяин омутов, мутных и непроточных вод — Нуси, или о-Нуси-сама. Считалось, что о-Нуси-сама может принимать вид многоглавой змеи или большого паука, а нередко представлять перед людьми в человеческом обличье. О-Нуси-сама был жесток и кровожаден. Нередко требовал он, чтобы посылали ему на съедение самую красивую девушку деревни. Не одна японская сказка строится на такой коллизии.

У рыбаков и мореходов были свои поверья. Каждый корабль имел своего духа-хранителя, именуемого в большинстве сказок «фунадама» («сокровище корабля»), «фунэ-но kami» («божество корабля») или «фунэ-но тамасий» («душа корабля»). Именно фунадама, согласно японским поверьям, оберегал от штормов и тайфунов, помогал терпящим кораблекрушение, направлял косяки рыбы к рыбацкой лодке. Но обитали в морской пучине и злые духи. Часто, как гласят легенды, можно вдруг увидеть на морской глади чертика — «монашка». Подплывет тот да попросит черпачок воды набрать. Горе тому, кто внемлет просьбам «монашка». Начнет он воду черпачком в лодку лить, пока совсем ее не утопит.

Вобрав в себя отдельные элементы мифопоэтических систем, японская сказка сконструировала свой собственный волшебный мир. Архитектоника волшебного мира японского фольклора тесно связана и с представлениями о его строении соседних народов — китайцев и корейцев, но при этом имеет и ряд специфических особенностей.

Как и у многих других народов, фантастический, сказочный мир японцев имел три яруса: небо, подлунный мир и подземное царство. Небо, по представлениям японцев, многослойно. Ближе к земле — пушистые облака. По ним бродят черти-громовики. Именно в их ведении находятся громы и молнии, грозы и дожди. Время от времени громовики садятся на облака, начинают бить в барабан, и тогда на землю обрушивается ливень. Согласно японской мифологии, облик громовиков зооморфен. Из обитателей волшебного мира громовики теснее всех связаны с людьми. Не только потому, что обитают они на самом близком к земле ярусе, но и потому, что зачастую жизнь громовика зависит от человека. Все знают, что, упавши громовик с облака, не вернуться ему на небо без помощи людей.

Над облаками — небесная твердь, рассеченная Небесной рекой (Млечным Путем). Это обитель мифологических героев и сказочных богов. По обе стороны Небесной реки тоскуют разлученные возлюбленные — Ткачиха и Пастух-Волопас (Вега и Альтаир). Осенью эти две звезды, находящиеся по разные стороны Млечного Пути, сближаются в северной части небосклона, поэтому в древности в Китае была создана красивая легенда о несчастных супругах, видящихся лишь раз в году — в седьмой день седьмого месяца, которую позднее заимствовали соседние народы, в том числе и японцы. В многочисленных японских фольклорных вариантах этой легенды звездное небо представляло в виде огромного пастбища, где пасется коровье стадо (звезды), или как роскошное узорчатое полотно, что соткано из лунного света и сияния звезд.

На этом же ярусе в лунном царстве обитают феи. Образы лунных дев японских сказок генетически были связаны с образом китайской богини луны, известной также как Лунная госпожа, или фея Лунного Блеска. Согласно восточноазиатским мифологическим представлениям, каждый месяц умирающая и вновь рождающаяся Луна была символом бессмертия. Потому и лунные феи японского повествовательного фольклора почитались как хранительницы секрета вечной жизни, неувядающей красоты и молодости.

В представлениях древних японцев, небесное царство было очень похоже на земное. Там возводили храмы и мосты, выращивали рис, горевали и веселились, любили и ненавидели. Но жизнь текла там по законам сказочного времени, была полна тайны и скрытого смысла, и потому никому из рожденных на земле не дано было понять жизнь неба до конца.

Второй ярус — это подлунный мир. К его составным относились суша, прежде всего горы, водная поверхность и подводное царство. Островное расположение Японии, существование множества больших и маленьких островов сформировало в японской сказке не только постоянное «чувство цепи», т.е. движение от острова к острову и, таким образом, восприятие земной тверди как последовательной смены суши и моря, но и чувство нерасторжимого их единства. Именно поэтому так просто в японской сказке с земли попасть в Морское царство и возвратиться из него, если никто этому не препятствует.

Подлунный мир в сказках не знает границ, он огромен и не ограничен кругом горизонта. И не случайно даже сказка «Где свету конец» не дает ответа на свой главный вопрос — быстрые птицы, ловкие звери и отважные морские существа так и не достигают вселенской границы.

Земная твердь подлунного мира — это множество маленьких «государств». Некоторые из них — порождение мечты и надежды, другие — продукт страха и незнания. В лесной чаще стоит прекрасный терем — Воробьиный дом, а чуть дальше — полное неожиданных чудес Соловьиное селение. В этих птичьих владениях множество самых удивительных богатств, надо только уметь ими воспользоваться. Где-то в океане затерялся страшный остров демонов — Онидзима, где чинят беззаконие красные и синие, черные и желтые черти.

Жизнь подводного царства сосредоточена, как считают японские сказки, у южного острова Японии — Якусима. Там же находится и Рюгу — дворец дракона, Морского правителя, повелителя водных стихий. Есть у дракона дочь Ото-химэ и внучка Вака-химэ. Последняя появляется в сказках достаточно редко, зато Ото-химэ является перед героями японских сказок в самом разном обличье — то высунет из воды голову большая змея, то выбросит морская волна на сушу черепашку, а то появится на берегу невиданная по красоте девушка с черными волосами до пят.

Третий ярус волшебного мира — подземное царство. И оно построено на вечной борьбе доброго и злого. Есть под землей и «мышиный рай» — столь же прекрасный, как и земной Воробьиный дом. Есть там и логово сказочных чертей, пышущих огнем и ненавистью. Обитатели подземного мира очень разные: целомудренные и кровожадные, уродливые и романтически возвышенные («Огневой Таро»).

По-разному складываются отношения героев японских сказок с волшебным миром. Этот мир живет в другом исчислении времени и измерении пространства, по строгим законам чуда. Соблюдения этих законов он требует и от своих обитателей, и тем более от тех, кто вторгся в его владения случайно.

Герой сказки «Небесная дева» Микэран разрезает небесную тыкву недозволенным в магии способом — не вдоль, а поперек — и тем самым нарушает закон сказочного бытия. Герой наказан: его смывает водный поток, мгновенно вырвавшийся из чаши плода, — небесная хлябь была замкнута в тыкве.

Встреча с волшебной страной всегда неожиданна, будь то появление чудесной супруги или приобретение сказочного предмета. Однако, согласно фольклорным законам, эта встреча уже лежит в основе сюжета — именно навстречу этой, пока не познанной сказочной неизвестности, отправляются герои повествований в далекие странствия. Чудесное вторгается в обыденную жизнь.

Законы бытия волшебной страны при всей своей таинственности оказываются во многом схожими с законами жизненной правды, потому внезапно полученное счастье не будет длиться вечно. Как часто в финале сказки исчезает чудесный супруг (супруга), улетает дева-птица, возвращается в озеро змея, скрывается в лесной чаще лисица. Каким земным и жизненным воспринимается минорный аккорд сказки: встреча с чудом влечет печаль разлуки.

Путь в волшебный мир, как правило, необычайно прост: на небо можно подняться по стволу бамбука или по лозе вьюнка (характерный прием для сказок всего дальневосточного региона), в подземное царство дорога начинается у мышинной норы, маленькой ямки или зажатой

скалами пещеры. А чтобы опуститься в морское царство, иногда достаточно лишь войти в воду. Попасть в волшебный мир герою подчас легче и безопаснее, чем выбраться из него. Поэтому нередко приходится применять немалую смекалку или просить помощи у обитателей волшебного мира, чтобы спастись.

Жизнь в волшебном мире — это непрерывная борьба светлого и темного, доброго и злого. Это постоянный выбор, поиск пути для героя, постоянная проверка его нравственной сути и истинности стремления. Волшебный мир японской сказки формирует извечное противостояние героя мнимого и героя истинного. Убожество и глупость обязательно обнаружат себя. Именно так и было с лисицами, которые забыли, что приняли образ знатных вельмож, и жадно набросились на жареных мышей. Истинный герой скрыт до поры до времени. Апофеоз должен быть удивительным. И потому никто не задумывается над тем, что под внешностью уродливой старухи скрывается красивая девушка, а вымазанный сажей пасынок однажды окажется прекрасным юношей («Пепельник»).

Уже говорилось о том, что волшебный мир японских сказок был огромен и величествен. Однако эта бескрайность не отрицала и существования других миров — может быть, и не очень понятных, но других. И в этом проявлялась определенная зрелость этнического самосознания японцев. Волшебная страна, согласно японским сказкам, находилась на Японских островах.

Существовал также и Китай. Он был реален. С китайскими мастерами, например, герои японских сказок состязались в искусстве. Упоминалась и Индия, но она больше походила на некое таинственное царство со своими измерениями времени и пространства. Чтобы попасть в Индию, как в иной мир, надо было переправиться через бурную реку, отделяющую сказочную «реальность» от сказочной «нереальности» («Дух горы и мальчик»).

Сформировавшееся на протяжении столетий представление японцев о возвышенном и низком, прекрасном и безобразном отразилось и на системе персонажей японских народных сказок. Безусловно, как и у всех других народов мира, персонажи этих сказок были чрезвычайно разнообразны: и по своему историческому происхождению, и по социальной принадлежности, и по отношению к категориям добра и зла. Вместе с тем, как и каждый народ, японцы создавали самобытные, неповторимые образы героев фольклора, исходя из эстетической сути и мироощущения своей культуры.

Показательны в этом плане образы романтических героев японских сказок — Флейтиста и Ткачихи. Эти образы вобрали в себя два основных понятия японской фольклорно-философской мысли — труд и искусство, поднятые на уровень «высокого искусства труда». Флейтист Канэкити, к примеру, мастер в любом деле. Но более всего он искусен в игре на флейте: звери внемлют его чарующим звукам, Морской царь покорен его талантом. Трудолюбием и душевной добротой наделены и те герои японских сказок, которые заняты ткачеством. Да и не могут быть другими те, которым, согласно японским поверьям, дано в руки это великое искусство. В Японии поклонение ткачеству как ремеслу имело многовековые традиции. Не случайно так ярко отразилось оно в народных верованиях и фольклоре.

